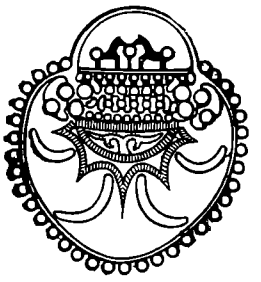
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1964

Э. В. КИЛЬЧЕВСКАЯ, Н. Н. НЕГМАТОВ

НАХОДКИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ШАХРИСТАНА

В 1957 г. на территории селения Нижний Шахристан, расположенного на левом берегу Шахристан-Сая (Северный Таджикистан), в одном из промывов улицы местные жители обнаружили небольшой глиняный кувшин, который, к сожалению, был ими разбит. В кувшинчике оказался клад ювелирных украшений и золотых монет, впоследствии поступивших в фонды Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР [1].

В состав клада входили разнообразные предметы: три золотых перстня с камнями на двух из них; три золотые обручевидные серьги с характерным граненым ромбическим утолщением на конце; две золотые штампованные бляшки; две целые бронзовые колоколовидные розетки-подвески и два фрагмента их; две целые и семь обломков золотых монет; два небольших бирюзовых камня неправильной формы; снизка мелкого речного жемчуга из 99 штук; девять коралловых подвесок неправильной природной формы и пять стеклянных бусинок (рис. 1, *3*).

По определению Е. А. Давидович [2], одна целая монета [3] чеканена в Бухаре в 656 г. хиджры (1258 г.), другая целая монета [4] чеканена в Шафуркане в 657 г. х. (1258 г.) от имени великого монгольского хана Мунко (1251—1259 гг.). На фрагментах двух монет прочитаны имя и титул аббасидского халифа Насира (1180—1225 гг.) [5].

В кладе особенно интересны ювелирные украшения, до сих пор мало известные в средневековом искусстве Таджикистана. Ювелирное дело народов Востока — это огромная, необычайно богатая и яркая, самобытная и в то же время «прихотливая» область декоративного искусства. Она связана со всем многообразием национальных костюмов, со множеством различных материалов и технических приемов выявления их красоты, со сменой стилей и художественных образов различных культур и эпох и многими другими факторами.

Наша находка является небольшим локальным фрагментом огромной еще не созданной истории ювелирного дела Средней Азии. Найденные в кладе бронзовые литые колоколовидные розетки-подвески (рис. 1, *1*), очевидно, были частью более сложного наборного предмета, вероятнее всего характерной восточной серьги, состоящей иногда из нескольких таких розеток разного размера, смонтированных одна над другой, причем у таких серег верхняя розетка чаще всего была самой маленькой. Возможно также, что эти тонкие детали принадлежали другой, не менее распространенной

---

[1] КП-520/1—7; КП-526/1—9.

[2] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 году», V, Тр. АН ТаджССР, СПИ, Сталинабад, 1959, стр. 158—159.

[3] КП-326/1.

[4] КП-326/2.

[5] КП-326/3—4.

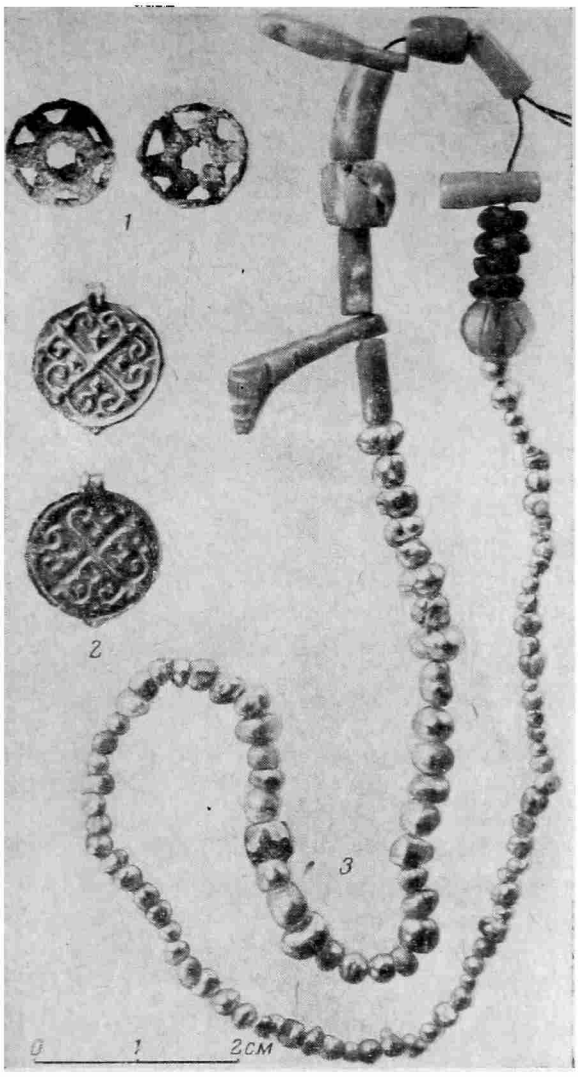


Рис. 1. Мелкие предметы клада:

1 — бронзовые литые розетки-подвески (с внешней и внутренней стороны); *2*—золотые штампованные подвески с напайными ушками; *3*—снизка жемчуга, коралловых и стеклянных бусин

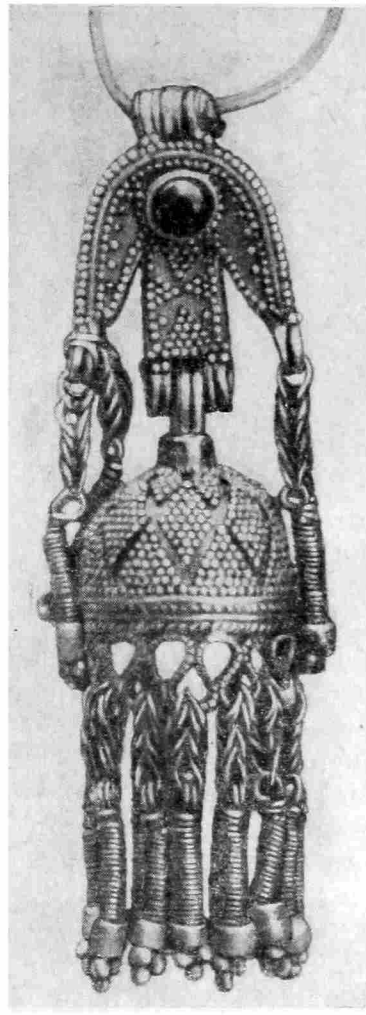


Рис. 2. Характерная восточная серьга с подвесками. Из собрания Отдела этнографии Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР

на Востоке серьге, состоящей из довольно крупной колоколовидной верхней части и подвесных более мелких розеток подобной же формы.

Наши крошечные розетки, таким образом, могли быть деталями характерной для Востока наборной зонтообразной двух- или трехъярусной серьги с подвесными шариками или розетками или с закругленными в спираль проволочками с мелкими бусинками.

Подобный тип серьги широко известен в ювелирном искусстве народов Средней Азии, Индии, Афганистана, Ирана, Азербайджана более позднего времени, но является глубоко традиционным (рис. 2). Известны два рельефа из Пальмиры [6] с изображением таких же серег и бронзовые серьги Кавказа [7]. Одна в принципе такая же ажурная золотая цилиндрообразная деталь серьги с пастовой бусиной внутри найдена в раскопках древнего Пенджикента. Все это, а также техника изготовления методом литья дает нам право говорить о более раннем их происхождении, нежели другие предметы клада. Одной из особенностей ювелирных украшений является

---

[6] H. T. Bossert. Altsyrien, Tübingen, 1951, рис. 541 и 551, где на рельефных изображениях из Пальмиры отчетливо видна форма подобной серьги.

[7] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. CVII, *26*.

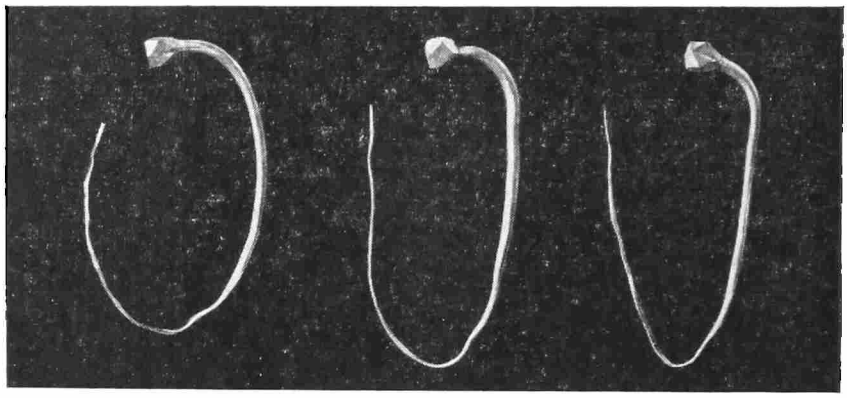


Рис. 3. Три золотые серьги с характерными гранеными утолщениями на концах

длительный срок их бытования. Иногда серьги, кольца, браслеты и т. п. передавались из поколения в поколение и подчас жили в народе не одно столетие. В данном случае надо полагать, что мы имеем дело именно с таким явлением.

Другие три серьги сделаны в виде золотых овальных обручей с многогранной головкой на одном конце и тонким заостренным другим концом[8] (рис. 3). Подобный, весьма своеобразный тип серьги в известных нам публикациях мелкой пластики Востока не встречается. Однако аналогией к ним может быть довольно часто встречаемая по соседству на Кавказе височная привеска точно с таким же многогранным утолщением на конце (или посередине обруча) и очень близкая по форме, но более массивная бронзовая серьга. Эти характерные для горного Кавказа бронзовые привески начала нашей эры доживают в некоторых районах до XI—XII вв.[9]. Выполнялись они также техникой литья с последующей зачисткой. Форма приведенного нами в качестве аналогии обруча-серьги и техника его изготовления (отливка в разъемной форме) дают нам некоторые основания думать о более раннем происхождении и этих предметов клада: вероятно, их форма передает характерные особенности более ранних бронзовых украшений, но повторенных уже в другом материале.

О том, что эти серьги были отлиты в форме, свидетельствуют некоторые детали обработки и отделки граненого утолщения и, в частности, наличие в некоторых местах образовавшихся при отливке заплывов металла по краям граней, плохая зачистка в некоторых местах ромбических граней и их поверхностей. На боковых гранях двух серег, например, видны незачищенные полоски-желобки — следы разъемной формы (см. обе крайние серьги на рис. 3). По-видимому, отделка производилась не очень тщательно и снимался лишь незначительный слой самых заметных шероховатостей из-за экономии золота.

Можно полагать, что вся серьга отливалась целиком, возможно даже в таком закругленном виде. На всех трех серьгах в верхней части имеются небольшие изгибы, сделанные для того, чтобы серьги в проколе уха всегда держались в одном положении. Две серьги имеют близкую форму вытянутого овала, третья серьга более округлая; не совпадают форма и размеры их граней, общая длина и толщина обручей. Все это позволяет думать, что все три серьги происходят от разных комплектов и отливались в разных формах.

---

[8] КП-520/4.

[9] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XIII, *5*; XXXIV, *6*; Д. М. Атаев. Галлинский могильник-памятник средневековой Аварии (сериа). Уч. зап. ИИЯЛ. Дагестанск. ФАН СССР, VI, Махачкала, 1959, табл. I, *9*; II, *1—4*; IV, *4*, *7—9*.

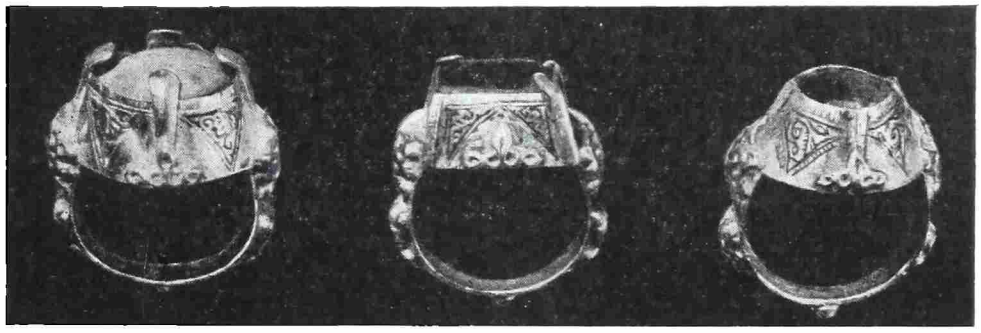


Рис. 4. Общий вид трех золотых перстней с рельефными напайными и гравированными узорами

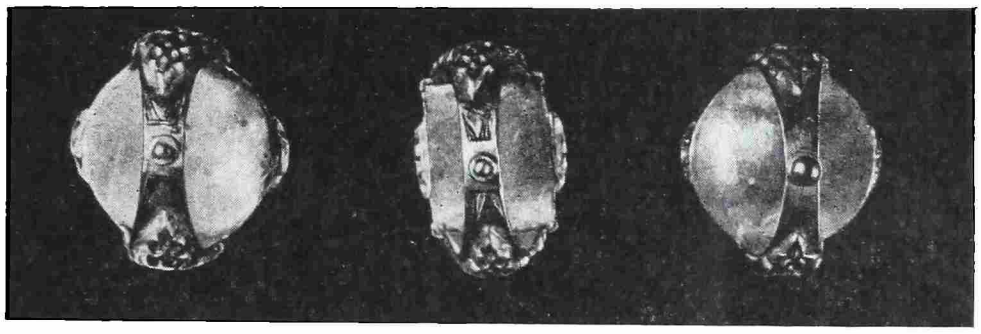


Рис. 5. Обратная сторона тех же перстней

Таким образом, можно предположить или наличие нескольких аналогичных литейных форм в одной мастерской, или же одинаковые изделия были сделаны несколькими мастерскими. А это, в свою очередь, свидетельствует о значительном развитии ювелирного дела Таджикистана в эпоху средневековья.

Для характеристики высоких художественных достоинств и яркого своеобразия местных локальных черт ювелирного искусства Шахристана особый интерес представляют три больших перстня [10], составляющие основную ценность нашей находки (рис. 4 и 5). Это довольно массивные на вид, но сравнительно легкие (полые внутри) золотые перстни с большими вставными камнями и рельефными орнаментальными деталями; два из них имеют круглые, конусообразные гнезда.

В одном перстне (КП-320/1) в гнездо вставлена бирюза естественной неправильной формы и не очень хорошего качества [11], причем неправильную форму камня повторяет верхний край оправы. Во втором перстне с круглым гнездом (КП-320/3) камень не сохранился, но по верхнему краю гнезда видно, что он также имел неправильную округлую форму [12].

Интересна система крепления камней при помощи четырех длинных пластинок-лапок из листового золота, напаянных по всей высоте гнезда. Скульптурность декора перстней придает им выразительность и красоту, определяющие своеобразие местной школы ювелирного искусства эпохи

---

[10] КП-320/1—3.

[11] По любезному определению проф. Ф. Я. Мишукова, оба найденных отдельно бирюзовых камня и вставленный в перстень от времени утратили свой обычный цвет и приобрели тусклый зеленоватый оттенок.

[12] Найденные отдельно два бирюзовых камня несколько меньшего размера, чем отверстие верхнего края каста рассматриваемого перстня, они, видимо, принадлежали другим, несохранившимся изделиям.

средневековья. Весьма характерно, что напаянные рельефные медальоны, различные по общему силуэту и плетеным узорам, служили основанием и декоративным завершением также рельефных пластинок-лапок крепления.

Напаянные медальоны рельефной орнаментальной плетенки — штампованные. Возможно, что иногда для подправки отштампованных деталей применялась очень незначительная подчеканка с лицевой стороны рельефа. Пайка медальонов и отдельных частей гнезд производилась очень тщательно. Подобный прием создания скульптурной формы тот же, что и на некоторых сасанидских серебряных блюдах, где отдельные детали высокого рельефа также напаивались [13]. Это позволяет говорить о высоком уровне мастерства и большом своеобразии локальной школы ювелирного дела, об устойчивости ряда традиционных технико-декоративных и выразительных средств искусства торевтики на Востоке.

Общее пластически-узорное решение формы рассматриваемых перстней усиливалось введением гравированных узоров, помещенных на всех перстнях между рельефными деталями гнезда. В обоих круглых перстнях (рис. 4) гравированные растительные узоры в виде свободно, асимметрично брошенной веточки заключались в треугольники, сужающиеся книзу.

У третьего перстня (КП-320/2) в прямоугольное гнездо вставлен альмандин (или гранат) [14] той же формы. Здесь полоски крепления помещены по углам гнезда, а рельефные узорные медальоны между ними имеют уже чисто декоративное значение. Гравированный орнамент на этом перстне также размещен иначе, узоры заполняют свободные треугольные плоскости между рельефными лапками крепления и напаянными рельефными медальонами. По стилю общего декоративного решения и техническим приемам выполнения все три перстня, безусловно, относятся к одной локальной школе ювелирного искусства.

Однако при более тщательном рассмотрении этих трех перстней можно сделать вывод о производстве их в двух разных мастерских. Перстень с бирюзой и перстень с альмандином выполнены в одной манере и их рельефные узоры сделаны одним штампом (это очевидно и по характеру пышного растительного орнамента, и по приемам гравировки). О несомненном стилистическом единстве этих двух перстней говорят и штампованные, напаянные медальоны, совершенно аналогичные по орнаменту и четкости проработки форм. Можно даже предполагать, что они выполнены одними и теми же штампами.

Третий перстень (без камня), при том же общем стиле в решении рельефных штампованных узоров, отличается совершенно иным уровнем мастерства их выполнения, так же как и иным почерком гравированных орнаментов (рис. 6).

Силуэт узора медальонов такой же, как и на двух первых перстнях, но сам плетеный орнамент и детали его решения совершенно иные. Линии штампованного узора на этом перстне менее четки и логичны по прорисовке. Можно полагать, что они оттиснуты другими штампами, вырезанными мастером, не столь совершенно владевшим техникой резьбы и не так тонко и искусно выполнявшим в основном те же, по-видимому, глубоко традиционные орнаментальные формы.

Особенно обращает на себя внимание грубоватая, небрежная гравировка растительных форм узора. Мастер часто применяет условно-геометри-

---

[13] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 3, 5, 6, 8.

[14] Определение камня сделано Ф. Я. Мишуковым, которому приносим глубокую благодарность. Камень — вишнево-красного цвета, грани и полировка верхней выпуклой поверхности от времени несколько стерлись, что свидетельствует о долгом их бытовании. В районе Шахристана, в предгорьях Туркестанского хребта, ближайших окрестностях наших археологических памятников, очень часты выходы сланцевых пород, может быть и слюдяных сланцев, по-видимому, не лишенных пегматитовых жил, в которых встречаются альмандины. Возможно, что альмандин нашего перстня происходит из этого же района.

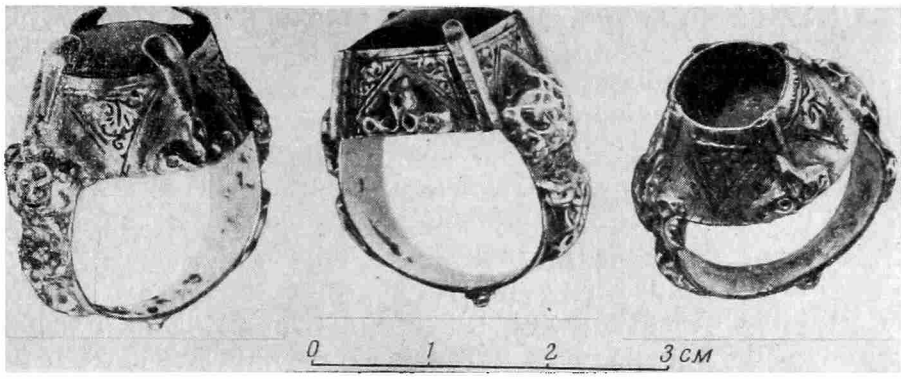


Рис. 6. Детали рельефных напайных украшений, лапок-креплений и гравированных узоров

ческие штрихи в виде параллельных порезок, создающих совершенно иной ритмический строй узора. Если мастер, создавший первые два перстня, чтобы подчеркнуть гравированный узор, применяет черную пасту, втертую в глубокие порезки, то второй мастер прибегает к игре фактуры, создавая дополнительными штрихами более размытые очертания узора и достигая таким образом той же техникой гравировки уже иного декоративного эффекта.

Все три перстня, безусловно, следует относить к одной локальной школе ювелирного мастерства. Их объединяет характерная для эпохи средневековья рельефная декоровка и некоторые детали отделки; в частности, на нижней части обруча каждого кольца напаян плоский кружочек с шариком поверх него, а по сторонам выгравированы несложные геометрические штриховые узоры (рис. 5). Мы можем предполагать наличие в этом районе значительного и весьма развитого ювелирного производства; возможно, действовало несколько мастерских, вырабатывавших свои изделия не только по заказу, но и на широкий местный рынок.

Нельзя не обратить внимание и на то, что общий характер плетеных узоров в рельефных медальонах и растительный гравированный орнамент описываемых перстней, да и приемы их композиционного построения имеют много общего с средневековым архитектурным орнаментом Средней Азии, особенно VI—XII вв. Такие орнаментальные рельефные медальоны с плетенкой и гравированные растительные завитки узора между медальонами — излюбленный, очень распространенный мотив в памятниках резьбы по ганчу (Варахша, Афрасиаб, Хульбук), по дереву (Пенджикент, Фальгар, Матча, колонны Хивинской мечети Джума). Несколько реже они встречаются на резной неполивной и поливной терракоте [15]. То же можно встретить на керамических очажках X—XII вв., на керамических неполивных облицовочных плитках XII — начала XIII вв. (например, на плитках из Ахсыкета) [16].

Пока мы не знаем аналогий, сколько-нибудь близких нашим кольцам, но надеемся, однако, что по мере изучения ремесленного производства народов Востока и накопления памятников ювелирного дела эпохи средневековья они появятся и помогут нам определить место и значение ювелирного искусства средневекового Таджикистана в общем развитии этой области декоративного искусства на Востоке.

По-видимому, к иному кругу культуры следует отнести золотые штампованные бляшки из этого же клада (рис. 1, *2*). Своими характерными ро-

---

[15] Например, на фрагменте портала мавзолея Ибрагима ибн Хасана из Самаркандского музея, на щеке арки мечети XII в. Намозгох в Бухаре (причем в последнем случае мы имеем точную копию рельефной плетенки).

[16] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, рис. 28, *4*; 33, *1*; 46, *1*; 56, *2*, *4*; 57, *1*, *3*; 58—60; 70, 71, *2*; 76, 88, *1*; 104, *4*; 110, *14*; 113, *3*.

гообразными узорами, самой формой и назначением предмета они, безусловно, тяготеют к тюркским художественным традициям. Это обычные штампованные из тонкого листового золота нашивные бляшки, широко применявшиеся для украшения одежды большинства тюркских народов Востока (Средней Азии и Кавказа). Однако внимательное их обследование позволяет сделать одно любопытное наблюдение. На обычных нашивных бляшках, как правило, для их прикрепления к одежде делались маленькие, едва заметные (просеченные) отверстия у краев, в данном же случае мы видим припаянные сверху специальные ушки довольно значительного диаметра. Ширина отверстия ушка, его ориентация вдоль плоскости бляшек и, наконец, подчеркнутость нижней части круглой формы в виде совсем небольшого выступа-треугольника дают все основания предполагать, что набор данных бляшек, нанизанных на толстую нить или шнур, скорее всего мог служить либо диадемой, либо своеобразным ожерельем. Декоративная выразительность нашивных бляшек одежды тюркских народов в данном случае была использована для создания совершенно нового собственного ювелирного украшения. Такое активное претворение весьма традиционной и широко распространенной формы, надо полагать, могло произойти уже при обоюдном взаимодействии культур тюркоязычных и ираноязычных народов Средней Азии.

Следовательно, можно предполагать либо их широкое ремесленное производство тюркскими народами для массового сбыта в городах, либо активное, творческое восприятие местными ювелирами наиболее характерных в художественном отношении и наиболее выразительных форм этого искусства у соседних тюркских народов.

В районе места нахождения изделий, т. е. современного поселка Шахристан, находятся развалины крупного многочастного городского центра VIII—XII вв. (городища Калаи Кахкаха I, II, III) и группа примыкающих к ним одиночных памятников. Многолетние археологические раскопки [17] все более и более убеждают нас в возможности отождествления этих развалин с известным по письменным источникам [18] значительным средневековым городом, столицей крупной области Усрушаны — Бунджикатом [19].

В результате археологических раскопок в настоящее время довольно определенно вырисовывается высокий уровень материальной и художественной культуры Бунджиката с его развитым зодчеством, характеризующимся различными конструктивно-планировочными решениями, с остатками живописи и обуглившихся многочисленных образцов превосходного резного дерева, некогда украшавшего стены, колонны и потолки помещений, с остатками первого для этого времени потолка с так называемым «дарбазным» («кассетным») перекрытием.

Не менее блестяще представлены предметы прикладного декоративного искусства и художественных ремесл. Еще в 90-х годах XIX в. В. В. Бартольд отмечал случайные находки здесь превосходных стеклянных графинов с изображениями куропаток [20]. В 1950 г. Усрушанскому отряду Тад-

---

[17] Н. Н. Негматов. Археологические раскопки в Шахристане. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.— Л., 1959, стр. 205—216; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане. СА, 1959, 2, стр. 205—217; их же. Раскопки на Тирмизак-Тепе. ИООН АН ТаджССР, 1(24), 1961, стр. 67—83, и др.

[18] Эти данные письменных источников собраны в кн.: Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Тр. АН ТаджССР, LV, 1957, стр. 33—34.

[19] До развертывания археологических раскопок Н. Негматов считал более возможной точку зрения тех исследователей, которые Бунджикат помещали на месте современного Ура-Тюбе. Там же, стр. 29—33.

[20] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. ЗИАН ОИФ, сер. VIII, 1, 4. СПб., 1897, стр. 76; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. «Среднеазиатский вестник», 1896, июнь, стр. 15.

жикской археологической экспедиции был передан поливной водолей в виде фигурки животного[21]. В 1961 г. Северо-Таджикистанским отрядом той же экспедиции найдена коллекция бронзовых предметов, в том числе чеканные блюда и кувшины. Не хуже представлена и посуда, среди которой имеются хорошие образцы поливных чаш, блюд, блюдец и пр.

Словом, Бунджикат (Шахристан) выступает как развитый городской центр с высоким уровнем материальной и художественной культуры. Судя по археологическим данным, подтверждаемым некоторыми свидетельствами письменных источников, высокого уровня достиг здесь ряд ремесел: металлообрабатывающее (кузнечное, бронзо-литейное), ткацкое, керамическое, строительное, художественная (архитектурно-декоративная) резьба по дереву, чеканка по металлу и пр. Совершенно очевидно, что не последнее место занимало здесь и ювелирное дело.

Заметим, что находка нашего клада не единственный случай в Шахристане. Еще в конце прошлого столетия побывавший там П. С. Скварский среди прочих случайных находок отмечал наличие женских украшений — бус, обломка серьги[22]. Несколько лет назад житель Шахристана продавал золотую лягушку в виде подставки; находили там и золотые монеты[23]. По словам побывавшего в Шахристане во втором десятилетии нашего века И. А. Кастанье, местными жителями там же были выпаханы различные предметы и украшения[24].

Подобные находки еще позже отмечали и другие исследователи[25]. Бронзовый несомкнутый, с утолщающимися концами и овальный в сечении браслет, кольцо, бусы и бронзовый колокольчик в форме вытянутого полуовала (в вертикальном сечении), увенчанный сердечковидной петелькой из толстой проволоки, обнаружены в могильных ямах первых веков нашей эры кургана Тепаи Пир-Мухаммад на юго-восточной окраине поселка Шахристан[26]. Весьма интересная бронзовая серьга обнаружена в 1960 г. в зале № 3 комплекса IX—XI вв. Чиль-Духтарон на другой нагорной окраине Шахристана[27]. В 1962 г. здесь был вскрыт большой зал (21), разделенный на отдельные секции с остатками металлических мастерских, в том числе, видимо, связанных и с ювелирным производством[28]. При раскопках обнаружены хорошо сохранившаяся железная наковальня, различные ювелирные изделия, включая серебряную серьгу в форме полумесяца с подвесками, изящную ажурную серебряную ручку зеркала, медные нагрудные подвески и ряд мелких заготовок для различных поделок, бусы и пр.

Таким образом, все эти данные, а также наличие в Шахристане весьма крупного столичного ремесленно-торгового города со своей разнообразной художественной традицией, видимо, дают нам основание публикуемые изделия клада считать продукцией местного, бунджикатского пропзводства.

---

[21] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. МИА, 37, 1953, стр. 200—201.

[22] П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана. ПТКЛА за первый год его деятельности. Ташкент, 1896, стр. 41, 43, 44.

[23] Там же, стр. 44.

[24] И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. ПТКЛА, XX, I, Ташкент, 1915, стр. 43.

[25] А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии. В сб.: «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 131; Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 119.

[26] Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. «Археологические работы в Таджикистане». VI (1958). Тр. И.И. АН ТаджССР, XXVII, Сталинабад, 1961, стр. 139, рис. 1, *142*. Очень близкие по форме бронзовый колокольчик и браслет обнаружены в погребении II—III вв. на душанбинских холмах (Б. А. Литвинский. Предметы из погребания на [душанбинских] холмах. Сообщ. РИКМ ТаджССР, III, Душанбе, 1958, стр. 45).

[27] Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. «Археологические работы в Таджикистане», VIII (1960). Тр. И. И. АН ТаджССР, XXXIV, Душанбе, 1962, стр. 83.

[28] Материалы мастерских еще камерально не обработаны.

Что же касается вопроса датировки клада в целом и отдельных его предметов в частности, то нам хочется подчеркнуть следующее. Как уже было сказано, монеты, найденные в составе клада, относятся к 1258—1259 гг. и указывают на датировку клада 50-ми годами XIII в. Однако по общим стилистическим признакам, декоративным и техническим приемам все рассмотренные ювелирные изделия не могут быть отнесены к одному кругу художественной культуры и к продукции одной ювелирной мастерской. В этом смысле мы выделяем две золотые бляшки с чертами, несколько тяготеющими к тюркской художественной среде. Остальные предметы клада по всем данным можно отнести целиком к оседлой среднеазиатской, таджикской культурной среде. Однако и среди них выделяется продукция отдельных мастерских (или мастеров), несколько разнящихся как будто и хронологически. К наиболее ранним, очевидно, относятся описанные бронзовые розетообразные подвески, следующими по времени, видимо, являются золотые серьги. Перстни мы склонны считать одновременными с монетами (XII—XIII вв.).